

Н. В. Коноваленко

Демократические рамки свободы слова: возможности и ограничения

В статье проанализирована существенная связь между свободой слова и другими социальными институтами демократического общества. Особое внимание уделяется влиянию на свободу слова стратегий становления информационного общества общества постмодерного типа. Свобода слова рассматривается как особая информационно-коммуникационная система, которая формирует особую, относительно независимую реальность.

Ключевые слова: свобода слова, демократия, социальные институты, информационное общество, постмодерн.

N. V. Konovalenko

Democratic framework of the freedom of speech: possibilities and limitations

The article analyzes the essential link between freedom of speech and other social institutions of a democratic society. Particular attention is given to the effect on freedom of expression strategies of the information society and the postmodern society type. Freedom of speech is regarded as a special information and communication system, which forms a special, relatively independent reality.

Keywords: freedom of speech, democracy, social institutions, information society, postmodern.

О тносительно возможностей обеспечения свободы человека средствами современной демократии Юрген Хабермас отмечал, что состояние гражданина фиксирует демократические права человека и политическое сообщество нации находит свое правовое отражение в том, что каждый в своей неприкосновенности должен найти равную защиту и равное уважение к себе, как к личности, независимо от этнической или культурной принадлежности, а именно как гражданин, то есть как член правового и политического сообщества. В традиции европейской культуры и цивилизации это связано с утверждением права как механизма осуществления демократической власти, как совокупности норм, регулирующих социальную жизнь [9]. Интересными и познавательными в этом контексте являются наработки делиберативной модели социальной философии, которая охватывает исследования таких обществоведов, как, например, Ю.Хабермас и О.Лафонтен [11-12], а также таких менее известных у нас ученых, как Р. Данеман [8], К.Кристоф [7], Р.Курц [10], Т.Майер [15-16], С.Миллер [17], Г.Райхельт [19-20] и других. Задачей этой модели является с помощью права на общественном, политическом и экономическом уровнях достичь состояния бесконфликтности на основе согласован-

ных действий, направленных на удовлетворение общих интересов заинтересованных участников общественных отношений. Целью становится достижение демократического консенсуса в принятии решений – на уровне общества и государства нормы и решения формируются в результате компромисса и согласия (консенсуса) между всеми заинтересованными участниками, имеющими равные права в равном доступе к управленческой власти. В то же время исключается избыточное давление со стороны одной из сторон, не предоставляется никому привилегированное властно-управленческое положение. Консенсус достигается благодаря процедуре общего коммуникативного формирования решений, основываясь на равных интересах каждого, которые находят обоснованное одобрение всех. Данная модель получила название **делиберативной демократии** (происходит от латинского термина *deliberatio* – «обсуждение»). Каждый индивид в этой модели получает возможность участвовать в выработке стратегии функционирования общества, что приводит к учету интересов отдельных индивидов и социальных групп и способствует углублению их взаимопонимания.

Общественные объединения и свободы возникают и фиксируются в правовых нормах

благодаря отношениям взаимного признания, обсуждению и компромиссу, которые означают добровольный отказ от довлени узкоэгоистических индивидуалистских или групповых интересов, если они препятствуют взаимному согласию и расширению открытости общественной, управленческой и политической коммуникации. Делиберативная теория отмечает, что нельзя считать по-настоящему легитимным то решение, которое опирается на заранее выработанную и утвержденную формулу действий и решений (вроде, «Я знаю, чего хочет народ» и т.п.). Не существует единой, заранее сформированной «воли народа».

Интересным и поучительным в общественно-гражданской институализации свободы слова именно как социального и политико-правового фактора есть *право на ее добровольное личное самоограничение* как средства защиты других гражданских свобод и прав. Речь идет о праве «пассивной свободы слова» как средства для противостояния против вынужденного самообвинения — при задержании, аресте, допросах граждан, которые могут быть вызваны применением насилия, пыток, использованием интенсивных методов допроса (допроса «третьей степени»), активным психологическим давлением, средствам шантажа и запугивания. В общественно-гражданской практике США это называется «*привилегии против самообвинения*» гражданина.

Начало этому положило то, что в 1966 году по делу *Miranda v. Arizona* Верховный суд, исходя из положения Конституционной поправки V о недопустимости принуждения гражданина к даче показаний, которыми он способствует обвинению себя самого, как формы ограничения его права на свободу слова, установил общее правило допроса подозреваемого. Гражданину, задержанному полицией по подозрению в совершении преступления, следует прежде всего объяснить, что он имеет право не давать показаний вообще; полиция обязана также разъяснить задержанному, что он имеет право пригласить адвоката на допрос, что адвокат будет назначен, если задержанный беден, а также, что его показания, если он добровольно согласится их дать, могут быть использованы против него на суде как обвинительные доказательства. Суд установил, что нарушение данного правила полицией влечет за собой исключение признания из материалов дела и безусловное отклонение обвинительного приговора, даже если в деле были другие, кроме показаний обвиняемого, доказательства вины.

Это правило стало именоваться «*правилом Миранды*», а объявление подозреваемому о его правах — «*предупреждением Миранды*» [1, с.176]. На основе этой идеи — «подразумеваемых» конституционных прав — Верховный суд США к «фундаментальным правам и свободам» отнес все права и свободы, а не только те, которые закреплены Конституцией. На основании поправ-

ки XIV Верховный суд создал доктрину «фундаментальных прав и свобод» человека, к которым суд сначала относил гражданские свободы и политические права, которые прямо упомянуты в Конституции и которые формально охраняются от произвола со стороны властей Биллем о правах. Связав воедино положения поправки XIV к Конституции США о «надлежащей правовой процедуре» и «равную защиту законов», Верховный суд расширил понятие «фундаментальных свобод и прав», отнес к этой категории вытекающие отсюда права человека, т.е. не только прямо упомянутые Конституцией, но и те, которые подразумеваются ею, вытекают из ее духа [6, с.115].

Авторы «*Билля о правах*» (который и гарантирует равные свободы и, прежде всего, свободу слова для всех) ставили целью утвердить в обществе и государстве принцип неограниченности основных свобод во взаимоотношениях личности и государства. Закрепив право человека на охрану его свобод — «*прайвеси*», — Билль о правах и Верховный суд США предоставили гражданам конституционный аргумент против любого рода вторжений государства в свободы граждан. При этом суд подтвердил существование «фундаментальных прав» человека, которые «имеются в виду» Конституцией. Доктрина «фундаментальных прав» имеет ограниченный характер, но и она позволяет прогрессивным социальным кругам отстаивать свободы и права граждан от откровенных посягательств реакционных элементов. Именно поэтому расширительное толкование судами Билля о правах вызывает крайнее раздражение консерваторов.

«Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых народом» — говорится в Поправке IX (1791 г.) к Конституции США. Это означает — недопустимость ограничения прямо не упомянутых Конституцией свобод и прав граждан (в том числе — свободы слова как неограниченного общественно-гражданского права). Включение данной поправки в Билль о правах диктовалось опасениями, что перечень гарантий прав и свобод, содержащейся в предыдущих поправках, может быть понят властью и государством как исчерпывающий. В таком случае, правительство будет свободно узурпировать те «свободы и права народа», которые прямо не указаны в Конституции и поправках. Создатели этих идей мыслили категориями естественного права и выходили в них из представления о том, что свободы и права человека являются «природными», подаренными ему Богом, а не государственной властью. Таким образом, поправка IX по замыслам поборников положительного закрепления прав граждан, стала своего рода «правилом толкования» Билля о правах, который устанавливает границы власти правительства относительно прав и свобод граждан.

Современные социально-философские исследования феномена свободы слова неразрывно связаны с явлением общественной коммуникации и обусловлено необходимостью научного анализа и философского осмысления тех масштабных социокультурных изменений, которые происходят в современном мире в связи с информатизацией и компьютеризацией всего общества. Эти изменения неразрывно связаны с расширением демократии как господствующей формы общественного устройства в современном мире. Опираясь на работы американского социолога Мануэля Кастельса, немецкого социолога науки Рудольфа Штихвее, немецкого социолога Никласа Лумана, концепции канадского ученого Маршалла Маклюэна и американского мыслителя Элвина Тоффлера, возможно выявить коммуникативные аспекты развития социальных систем с сетевыми структурами, которые обуславливают основы развития вышеупомянутого феномена в том или ином типе социума.

Невозможно рассматривать общество конца XX — начала XXI века исключительно как постиндустриальное или информационное, то есть без учета мировоззренческих и культурных трансформаций, зафиксированных в постмодернистской философии. С целью наиболее полного отражения реалий общества на рубеже третьего тысячелетия считаем целесообразным охарактеризовать его не только как «информационное», но и как «постмодерное».

Сопоставление реалий постиндустриального общества и философских концепций выявляет взаимосвязь, адекватность между развитием информационных технологий и становлением мировоззрения. Состояние двух знаковых для постсовременной эпохи феноменов — информатизации общества и постмодернизма можно определить как синергическое взаимодействие, которое создает резонанс во всех сферах культуры и общества. Философский анализ глобальной сети Интернет и оценка социокультурных импликаций, связанных с вхождением сетевых компьютерных технологий в жизнедеятельность общества, начинается с нахождения аналогий между постмодернистскими категориями и техникой и технологией информационного общества.

Последние десятилетия XX века отмечены событиями, которые существенным образом трансформировали современную социокультурную реальность. В первую очередь, это активное вхождение в жизнь новейших информационных технологий, что произошло в результате бурного развития постиндустриального общества. Во вторую очередь, — это формирование и распространение особого типа умонастроений и мироощущений, концептуально оформленных философскими, социологическими, культурологическими теориями и получивших название

«постмодернизм». Особое «сцепление» этих двух знаковых для нынешней эпохи феноменов имеет и особое значение для современной свободы слова и требует философского осмысления его, что и определяет актуальность данного исследования.

В ходе совершенствования электронной техники и технологий произошло бурное развитие средств массовой коммуникации, особенно телевидения, создание и широкое распространение персональных компьютеров, построение глобальных информационных сетей, разработка технологий виртуальной реальности и других технологических инноваций. Эти достижения в корне изменили жизнь общества, не только выдвинув на передний план информационную деятельность, т.е. деятельность, связанную с производством, потреблением, трансляцией и хранением информации, но и усложнив и трансформировав мир так, что осмыслить его в рамках традиционных подходов стало довольно трудно.

Качественный скачок мироощущения, формирующегося в информационном обществе, и его адекватность, корреляция с основными мировоззренческими принципами постмодернистской философии, деконструируют основные категории предыдущей европейской мысли, указывают на необходимость их сравнительного анализа через призму указанных мировоззренческих изменений.

Ряд исследователей видит генетическое родство между информационными технологиями, которые создали уникальные возможности для нового видения и восприятия социальной реальности на рубеже третьего тысячелетия, и постмодернистскими концепциями, которые формулируют специфику ощущения этой реальности. В первую очередь вступление культуры развитых стран в эпоху постмодернизма было отмечено Ж.-Ф. Лиотаром в работе «Состояние постмодерна» (1979 г.). Он утверждает, что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна, изменяется статус знания. Этот переход начался по меньшей мере с конца пятидесятых годов, соответственно, когда в Европе было осуществлено ее послевоенное восстановление [13, с.3].

Развитие технических средств массовой коммуникации — компьютерной техники, телевидения, информатики, видеотехники способствовало возникновению постмодернизма. Постмодернизм возник как визуальная культура в архитектуре, живописи, кинематографе. Он моделировал не реальную действительность, а «вторую действительность» — искусственную, представляющий собой продукты информационных технологий: в науке — это компьютерные и сетевые продукты, в массовой культуре — видеоклипы, компьютерные игры, в образовании

— продукты дистанционных технологий. Таким образом, постмодернизм стремится создать принципиально новую среду — виртуальную реальность и способ отношения с ней — интерактивность.

Мануэль Кастельс сделал вывод о том, что новая постиндустриальная волна вызвала становление общества сетевых структур (network society): «В условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [3]. Под сетевой структурой М. Кастельс подразумевает открытую структуру, которая состоит из взаимосвязанных узлов. Добавление новых узлов способствует неограниченному расширению сети, то есть неограниченной способности к коммуникации. Эта открытость, высокая динамичность социальных структур с сетевой основой, распространяется на сферу инноваций, введение которых не приводит к социальной нестабильности, хаоса и т.п. из-за способности таких структур к *самоорганизации, самовоспроизведению, саморегуляции*. Такие структуры становятся неотъемлемой частью современного общества — общества, в котором информация приобретает товарный статус, процесс коммуникации становится неотъемлемой частью феномена распространения информации, а наиболее распространенным видом деятельности становится интеллектуальный труд. В таком обществе образуется качественно новое соотношение «информация-коммуникация», в результате чего стало возможным говорить об информационно-коммуникативной системе общества, которая выступает специфическим посредником между социальными субъектами.

М.Кастельс в своей работе «Становление общества сетевых структур» отмечает качественное изменение соотношения между природой и обществом, природой и культурой. Если на первом этапе взаимоотношений природы и культуры природа господствовала над культурой, а человек только боролся за выживание, то на втором этапе взаимоотношений природы и культуры, связанных с промышленной революцией, культура стала господствовать над природой. «На современном этапе происходит подчинение природы культурой настолько, что ее приходится искусственно восстанавливать в качестве одной из культурных форм». Мы стали жить в преимущественно общественном, информационном, медийном мире. Общество сетевых структур принесло иное бытие, качественное изменение в жизни человека [3, с.500].

В условиях становления информационного общества возрастает социальная потребность в знании, в повышении уровня свободы слова, которая сама становится информационно-коммуникативной системой. Проблема свободы слова как информационно-коммуникативной системы с сетевой структурой и ее роли в обществе требует переосмысления уже существующих парадигм и взглядов, активизирует и расширяет поиск новых адекватных философских концепций. Среди таких концепций, в первую очередь, следует отметить концепции Маршалла Маклюэна и Элвина Тоффлера. Свои философские взгляды и культурологическую концепцию М. Маклюэн представляет в трудах: «Галактика Гуттенберга», «Понимая медиа: продолжения человека», «Медиум — это Послание», «Война и мир в глобальной деревне».

М.Маклюэн решающим фактором процесса формирования социально-экономической системы считает технологию, определяющую способ коммуникации. В истории цивилизации он выделил три основных этапа:

1. первоначальная дописьменная культура с устными формами связи и передачи информации;
2. «галактика Гутенберга» — письменно-печатная культура;
3. «глобальная деревня» — современный этап, который возрождает восприятие мира на новой электронной основе через замещение письменно-печатных языков общения радиотелевизионными и сетевыми средствами массовых коммуникаций [4].

Маклюэн утверждает, что изменение технологий, создание новых технических средств: от алфавита и письма до печатного станка, а затем и к электронным средствам коммуникации, определяет изменение социально-экономической системы. По теории Маклюэна, идея мира приобретает новый смысл «глобальной деревни», в котором ничего нельзя скрыть, и все ответственно за все. М. Маклюэн обнаруживает, что в современную эпоху вся жизнедеятельность современного общества осуществляется «глобальными объятиями», которые возникают в результате «мозаичного резонанса»: мозаика телекоммуникаций, масс-медиа и компьютеров дает резонансное электронное возмущение, «продолжает» центральную нервную систему человека к «глобальной деревне». М.Маклюэн исследует влияние информационно-коммуникативной системы на духовно-культурное развитие человека. Его тезис о «расширении человека» можно трактовать как «расширение» физического тела и духовных способностей человека в результате эволюции информационно-коммуникативной системы, которая увеличивает человеческие возможности, масштабы ее деятельности, скорости и мощности.

«Электронное сообщество» М. Маклюэна, которое пришло на смену печатным средствам коммуникации, радикально преобразует всю сферу межлической коммуникации в направлении слияния изолированных друг от друга индивидов, наций и рас в единое коммуникативное сообщество. Оно является прообразом современного информационного общества или общества, основанного на знании.

Не менее существенный вклад в развитие идей информационного общества внесла концепция Элвина Тоффлера, изложенная в его книге «Третья волна» [5]. Э. Тоффлер выделяет в истории цивилизации три волны: первая волна — аграрная (до XVIII века), вторая — индустриальная (до 1950-х гг. XX в.) И третья — пост- или супериндустриальная (начиная с 1950-х годов XX в.). Э. Тоффлер верит в реальность новых перспектив и потенциала «третьей волны»: в самой сердцевине разрушения и распада он видит свидетельства зарождения и жизни, что коррелирует с представлениями теории самоорганизации.

Э. Тоффлер отмечает тенденции создания новой интеллектуальной среды, основанной на компьютерных сетях, прогнозирует процессы их самоорганизации как независимой от человека системы. Хотя сам Э. Тоффлер не употребляет термин Интернет, но он начинает научный дискурс по проблематике Интернета — World Wide Web — «Всемирной паутины», созданной еще первично в 1988–91 годах в Европейской лаборатории физики элементарных частиц коллективом разработчиков под руководством Робера Гальо. Элвина Тоффлера относят к первым пророкам Интернет-цивилизации, который сформулировал общее предчувствие перемен и их тенденций. С этого времени Интернет превратился в средство массовой коммуникации, а по своей значимости для дальнейших судеб цивилизации не уступает изобретению печатного станка Гуттенбергом. Благодаря ему стали возможны современная наука, техника и новое восприятие окружающего мира, новая ментальность. По мнению Г. Макивена, «концепт «текст» сейчас понимается в очень широком смысле слова как социальная практика, институты, продукты культуры и все то, что создается в результате действий и рефлексии человека [14, с.64.]».

Сегодняшнее состояние и тенденции дальнейшего развития социума позволяют рассматривать его как мировоззрение информационного общества. Главной отличительной чертой глобального общества является его определенный постмодернистский плюрализм, т.е. допущение одновременного сосуществования различных точек зрения. Специфические категории постмодернистской философии могут быть использованы для анализа виртуальной реальности, информационных технологий, современного общества — это такие категории, как фрагментарность, децентрация, изменчивость, контекстуальность, неопределенность, ирония, симуляция.

Ж. Бодрийяр утверждает, что мы уже живем в гиперреальности, в постмодернистском мире, в котором очень нелегко жить из-за масс-медиа, бесконечных пересекающихся потоков информации, но важно хотя бы осознавать, что именно в этом мире мы сейчас живем [18, с.181].

Постмодернистский способ жизни и глобальные информационные технологии не просто созвучны, а находятся в состоянии резонанса, их влияние друг на друга вызывает новые синергические эффекты резкого роста в образовании электронных форм коммуникации, новых форм работы с текстами в электронном виде, в частности, к интертекстуальности, к дискурсу в рамках глобальной информационной сети.

Постмодернистская трактовка свободы слова невозможна без анализа в контексте постмодернистских изменений, которые произошли в государстве, науке, в философии, обществе. Объединяющим и сближающим их фактором является радикальное изменение трактовки мышления. Если классический способ мышления — линейный, то новое мышление — нелинейное с нелинейной организацией актов рассуждения, дискурсом с новой трактовкой смыслополагания и смыслопостижения.

Таким образом, положительное отношение к постмодернистскому проекту свободы слова представляет его в виде пространства становления новых отношений резонанса между государством, обществом и новой философией жизни. Это пространство, позволяющее выстраивать кардинально другой постмодернистский тип коммуникации, а именно, как средство перепрограммирования всего общества на новых нелинейных началах.

Современная модель свободы слова создается в совместном синергическом взаимодействии различных сфер культуры и различных способов освоения мира (научного, художественного, философского, религиозного), рождая новое синергическое видение мира, основанное на его многомерности, на принципах вероятностного детерминизма, самоорганизации и сложной иерархичности.

Российский исследователь постмодернизма И.П.Ильин справедливо характеризует такой подход достаточно амбивалентно: «...Постмодернистская мысль пришла к выводу, что все, что принимается за действительность, на самом деле не что иное, как представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и изменение которой ведет к кардинальному изменению самого представления. Таким образом, восприятие человека объявляется обреченным на «мультиперспективизм»: на постоянно и калейдоскопически изменчивый ряд ракурсов действительности, которые в своем мерцании не придают возможности познать ее сущность» [2, с.136]. И все же такой мультиперспективизм, хотя и не дает рецептов на все случаи жизни, однако обеспечивает успешную универсальную методоло-

гическую установку для адекватного восприятия новой социальной действительности.

Чем может быть полезен постмодернизм как авторитетное направление современной философии, искусства, науки, образования для формирования институциональных основ свободы слова в современных общественных (в том числе и глобальных) условиях? Общим плюрализмом; признанием

ценности информации; деконструкцией прежних идеологических, экономических и политических ценностей — власти, денег, обмена, производства; признанием истины только как слова, текста, «поэтического вслушивания» в положения мира науки; пониманием того, что нет единой истинной реальности, а есть разные виртуальные реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беллами Р. Три моделі прав і громадянства [Текст] / Р.Беллами // Лібералізм: антологія. – К.: Смолоскип, 2002. – 456 с.
2. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Текст] /И.П.Ильин. – М.:Интрада, 1996. – 256 с.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур [Текст] /М.Кастельс; пер. с англ. // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). – М.:Academia, 1999. – С. 494-505.
4. Маклюен М. Галактика Гутенберга. Становления людини друкованої книги [Текст] /М.Маклюен [пер. з англ.. А.Галушки]. – К.: Ніка-центр, 2001. – 464 с.
5. Тоффлер Э. Третья волна [Текст] /Э.Тоффлер; пер. с англ.. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
6. Brugger W. Liberalismus, Pluralismus, Kommunitarismus. Studien zur Legitimation des Grundgesetzes [Text] /W.Brugger. – Berlin: Duncker/Humblot, 2002. – 393 s.
7. Christoph K. Solidarität [Text] /K.Christoph. – Baden-Baden: Nomos, 1999.– 223 s.
8. Dannemann R. Das Prinzip Verdinglichung [Text] /R.Dannemann. – Wiesbaden: Panorama, 2005. – 166 s.
9. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaat [Text] /J.Habermas. – Fr.a.M.:Suhrkamp, 2009. – 704 s.
10. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie [Text] /R.Kurz. – Fr.a.M.: Eichborn, 2009. – 288 s.
11. Lafontaine O. Die Gesellschaft der Zukunft: Reformpolitik in einer veränderten Welt [Text] /O.Lafontaine. – Hamburg: SPD, 2008. – 341 s.
12. Lafontaine O. Fortschritt und Solidarität [Text] /O.Lafontaine.– Bonn: Reinbek Verlag, 2008. – 228 p.
13. Lyotard J.-F. La condition postmoderne: Rapport sur le savoir [Text] /J.-F. Lyotard. – P.: PUF, 1979. – 109 p.
14. McEwan H. Teaching and the interpretation of the texts [Text] /H. McEwan // Curriculum Theory. 1999. 42(1). – P.59-68.
15. Meyer Th. Grundwerte und Wissenschaft im demokratischen Sozialismus [Text] /Th.Meyer.–Berlin/Bonn: J.H.W.Dietz Verlag, 2008. – 246 s.
16. Meyer Th. Grundwerte, Wissenschaft, konkrete Utopie [Text] / Th.Meyer.–Hannover: Fackeltrager Vlg., 1996. – 287 s.
17. Miller S. Das Problem der Freiheit im Rechtsstaat [Text] /S.Miller. – Fr.a.M.:Suhrkamp, 1994. – 250 s.
18. Postmoderne: Zeichen eines kulturellen Wandels. – Hamburg: Hirschfeld, 1986. – 427 s.
19. Reichelt H. Einige Fragen und Anmerkungen zu Nadjas „Kritik als Substanz des Denkens bei Kant und Marx“ [Text] /H.Reichelt.– Berlin:Frühjahr, 2005. – 230 s.
20. Reichelt H. Georg Wilhelm Friedrich Hegel: Grundlinien der Philosophie des Rechts. Oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse [Text] / H.Reichelt. – Wien: Ullstein, 2009. – 826 s.

REFERENCES

1. Bellami R. *Tri modeli prav i gromadianstva* // *Liberalizm: antologija* [Three models of rights and citizenship // Liberalism: an anthology]. Kiev, Smoloskip, 2002. 456 p.
2. Il'in I.P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow, Intrada, 1996. 256 p.
3. Kastel's M. *Stanovlenie obshchestva setevykh struktur* // *Novaia postindustrial'naia volna na Zapade. Antologija (pod red. V.L. Inozemtseva)* [Society formation of network structures // New post-industrial wave in the West. Anthology (Ed. by V.L. Inozemtsev)]. Moscow, Academia, 1999. pp.494-505.
4. Makliuen M. *Galaktika Gutenberga. Stanovlennia liudini drukovanoi knigi* [Gutenberg Galaxy. Formation of the human being printed book]. Kiev, Nika-tsentr, 2001. 464 p.
5. Toffler E. *Tret'ia volna* [Third wave]. Moscow, AST, 1999. 784 p.
6. Brugger W. Liberalismus, Pluralismus, Kommunitarismus. Studien zur Legitimation des Grundgesetzes / W.Brugger. – Berlin: Duncker/Humblot, 2002. 393 s.
7. Christoph K. Solidarität /K.Christoph.–Baden-Baden: Nomos, 1999. 223 s.
8. Dannemann R. Das Prinzip Verdinglichung /R.Dannemann.– Wiesbaden: Panorama, 2005. 166 s.
9. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaat / J.Habermas. – Fr.a.M.:Suhrkamp, 2009. 704 s.
10. Kurz R. Kollaps der Modernisierung: vom Zusammenbruch des Kasernensozialismus zur Krise der Weltökonomie / R.Kurz.– Fr.a.M.: Eichborn, 2009. 288 s.
11. Lafontaine O. Die Gesellschaft der Zukunft: Reformpolitik in einer veränderten Welt /O.Lafontaine. – Hamburg: SPD, 2008. 341 s.
12. Lafontaine O. Fortschritt und Solidarität /O.Lafontaine.– Bonn:Reinbek Verlag, 2008. 228 p.
13. Lyotard J.-F. La condition postmoderne: Rapport sur le savoir /J.-F. Lyotard. – P.: PUF, 1979. 109 p.
14. McEwan H. Teaching and the interpretation of the texts /H. McEwan // *Curriculum Theory*. 1999. 42(1). – P.59-68.
15. Meyer Th. Grundwerte und Wissenschaft im demokratischen Sozialismus /Th.Meyer.–Berlin/Bonn: J.H.W.Dietz Verlag, 2008. 246 s.
16. Meyer Th. Grundwerte, Wissenschaft, konkrete Utopie / Th.Meyer.–Hannover: Fackeltrager Vlg., 1996. 287 s.
17. Miller S. Das Problem der Freiheit im Rechtsstaat /S.Miller. – Fr.a.M.:Suhrkamp, 1994. 250 s.
18. Postmoderne: Zeichen eines kulturellen Wandels. – Hamburg: Hirschfeld, 1986. 427 s.
19. Reichelt H. Einige Fragen und Anmerkungen zu Nadjas „Kritik als Substanz des Denkens bei Kant und Marx“ / H.Reichelt.– Berlin:Frühjahr, 2005. 230 s.
20. Reichelt H. Georg Wilhelm Friedrich Hegel: Grundlinien der Philosophie des Rechts. Oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse / H.Reichelt. – Wien: Ullstein, 2009. 826 s.

Информация об авторе

Коноваленко-Монзюлевская Наталия Васильевна
(Украина, Киев)
Аспирант. Национальный педагогический
университет им. М.П.Драгоманова.
E-mail: klipz@feo.ua

Information about the author

Konovalenko-Monzolevska Natalia Vasil'evna
(Ukraine, Kiev)
Aspirant.
National Pedagogical Dragomanov University.
E-mail: klipz@feo.ua